

М. В. Брянцев

доктор исторических наук, профессор

заведующий кафедрой теории и истории государства и права

Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, г. Брянск, Российская Федерация

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НА БРЯНЩИНЕ

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме – февральским событиям в конкретном регионе России. Автор показывает, что революционные процессы, протекавшие в провинции, наряду с общими закономерностями, имели свою специфику, отличную от столицы. Дается общий историографический обзор литературы по исследованию февральских событий 1917 года. Представлен анализ публикаций в постсоветское время и современных исследователей, так или иначе затрагивающих развитие февральских событий в отдельных регионах страны, где имелись свои особенности социального, культурного и политического характера. Отмечаются монографические исследования Г. А. Герасименко, Н.Н. Кабытовой, И.А. Тропова, где главное внимание уделено анализу процессов, протекавших в регионах России на протяжении всего периода от февральских событий до прихода к власти большевиков. Работа написана на основе широкого привлечения архивных материалов. В данной статье были использованы материалы государственных архивов Брянска и Орла.

Ключевые слова: Февральская революция, Брянщина, Комитеты общественной безопасности, эсеры, меньшевики, большевики, Советы.

M. V. Bryantsev

Doctor of historical sciences, professor

Head of department of theory and history of state and law

Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, Bryansk, the Russian Federation

FEBRUARY REVOLUTION IN THE BRYANSK REGION

Abstract. Article deals with an actual problem – to February events in the specific region of Russia. The author shows that the revolutionary processes proceeding in the province along with general regularities had the specifics other than the capital. The general historiographic overview of literature on research of February events of 1917 is given. The analysis of publications is provided to modern time and the modern researchers anyway affecting development of February events in certain regions of the country where there were features, social, cultural and political nature. Monographic researches by G. A. Gerasimenko, N. N. Kabytova, I.A. Tropova where the main attention is paid to the analysis of the processes proceeding in regions of Russia throughout the entire period from February events before coming to power of Bolsheviks are noted. Work wrote on based broad attraction of archival materials. Author used materials of the Public Records Offices of Bryansk and the Eagle.

Key words: February revolution, Bryansk region, Committees of public safety, SRs, Mensheviks, Bolsheviks, Soviets.

Далекие события февраля 1917 г. всегда привлекали внимание исследователей. Однако в советской историографии Февральская революция всегда находилась в тени «Великой Октябрьской социалистической революции». Говоря о февральских событиях 1917 г., следует отметить, что исследовательский интерес, как правило, находился в плоскости изучения событий в столице, происходившее же в провинции оставалось уделом краеведов. Авторы, в основном, ссылались на отдельные примеры в связи с борьбой большевиков за свое влияние и в ходе подготовки октябрьского переворота. В постсоветское время появился ряд работ, так или иначе затрагивающих развитие февральских событий в отдельных регионах

страны. Здесь следует отметить монографические исследования Г.А. Герасименко, Н.Н. Кабытовой, И.А. Тропова, где главное внимание было уделено анализу процессов, протекавших в отдельных регионах России на протяжении всего периода от февральских событий до прихода к власти большевиков [24, 25, 30].

Несомненно, историографическое состояние темы требует более пристального внимания на развитие событий в конкретных регионах России, где, по справедливому замечанию Н.Н. Кабытовой, имелись свои особенности социального, культурного и политического характера [25, с. 5].

Рассматривая региональные истории февраля 1917 г., следует иметь в виду то обстоятельство, что в местных архивах сохранилось не так уж много материалов, касающихся непосредственных событий, случившихся на местах. Особенно это замечание касается происходившего на самом низу административной системы России – уездов и волостей. Здесь зачастую приходится опираться только на воспоминания, которые были написаны «по заказу» к юбилейным датам советской истории – к десятилетию, сорокалетию Октябрьской революции 1917 г. В данной работе были исследованы материалы государственных архивов Брянска и Орла*.

1917 г. на Брянщине** начинался тревожно, но не более беспокойно, чем в предшествующие годы. Война, истощившая ресурсы, и, прежде всего, тотальная нехватка продуктов питания и предметов первой необходимости создавали атмосферу недовольства, но никак не говорили о возможности революции. В провинции 1917 год начался с проявления недовольства рабочими Мальцевского промышленного района. Уже 4 января началась забастовка 4500 рабочих Людиновского завода, которые только 9 января приступили к работе. В ходе забастовки рабочие никаких требований не выдвинули, «а лишь высказывали недовольство на недостаточный отпуск из заводского продовольственного магазина продуктов первой необходимости» [5, л. 1, 9]. По сообщению агента «Дорожного» эта забастовка на других предприятиях Мальцевского промышленного района никак не отразилась, но, как оказалось, это было не так. Уже 13 января забастовали все рабочие и служащие Мальцевской узкоколейной дороги, но и здесь движение удалось восстановить к 10 часам вечера. Основными требованиями рабочих и служащих стали: прибавка жалования на 50%, увеличение пайка, отмена штрафов. Детальное расследование показало связь с забастовкой в Людиново [5, л. 3-4, 7-6, 10 об.].

События на Мальцевской железной дороге заставили начальника Орловского губернского жандармского управления полковника (ГЖУ) Долгова потребовать от своего помощника по Карачевскому и Брянскому уездам усилить агентурные наблюдения «за рабочими и служащими Мальцевских предприятий, дабы сведения о неудовольствиях получать своевременно и раньше, чем последуют выступления в роде перерыва занятий» [5, л. 22, 23].

Однако действовать на упреждение органам власти не удавалось. События развивались спонтанно и бесконтрольно. Закончившись на одном предприятии, забастовки возникали на другом. Беспокойным оказался январь и на Чернятинской стекольной фабрике, где основными возмутителями спокойствия оказались подростки. 16 января 16 человек в знак солидарности со своими двумя оштрафованными товарищами за прогул отказались работать, но уже в 4 часа дня они приступили к работе. Примечательно, что никто из 756 рабочих их не поддержал [5, л. 18].

* Государственный архив Брянской области (далее. - ГАБО); Государственный архив Орловской области (далее. - ГАОО).

** Под Брянщиной здесь понимается территория, ставшая с 1920 г. Брянской губернией и включавшая в себя некоторые уезды Орловской, Черниговской и Калужской губерний.

Буквально через день подростки этой же фабрики вновь оказались в центре внимания. За умышленную поломку прокальной машины был уволен 14-летний рабочий В. Волохов. 23 января в 12 часов в знак солидарности со своим товарищем 17 подростков ночной смены отказались приступать к работе вплоть до восстановления Волохова. Но уже в 8 часов утра они приступили к работе, не дожидаясь выполнения своих требований [5, л. 25].

Главнейшей причиной недовольства властями стал недостаток продовольствия, особенно дешевых продуктов питания, которые быстро исчезали из магазинов, а возможности пополнения их в достаточном количестве у властей оказывалось мало. Так, 5 февраля 1917 г. в рапорте на имя помощника начальника ГЖУ сообщалось о том, что в провиантском магазине Радицкого вагоностроительного завода нет дешевой ржаной муки, а гречневая крупа, пшено, масло подсолнечное и конопляное израсходованы еще в начале января. Получаемое же продовольствие не могло восполнить даже минимальных запасов. Так, 17 февраля завод получил всего один вагон продовольствия: ржаной муки 600 пудов и 200 пудов конопляного масла, а по норме требовалось 5000 пудов муки на месяц [5, л. 27, 51, 55].

Нехватка продовольствия была отмечена в Дятьковском провиантском заводском магазине, где давно уже не было пшеничной муки и масла, а ржаной муки остался всего один вагон. Закупленные 30 вагонов ржи находились где-то в пути [5, л. 53]. Недовольство подогревалось различного рода слухами.

В промышленных районах на дефицит продовольствия накладывался топливный кризис, из-за которого простаивали фабрики и заводы. В начале февраля из-за нехватки угля и нефти стал почти весь Брянский завод. Остановлено было $\frac{3}{4}$ всех работ. Из 15452 рабочих за воротами оказалось 9000 рабочих, без выплаты жалования [5, л. 37]. Рабочие были склонны во всем обвинять заводское руководство, которое, по их мнению, ничего не предпринимает по исправлению ситуации. Однако никаких волнений на заводе не наблюдалось, основанием чему была уверенность рабочих во временности остановки завода, работающего на войну. Существенной причиной, ослаблявшей напряжение, стало и то, что завод остановился перед масленицей, когда рабочие разошлись по домам для празднования. Вместе с тем властями было усилено наблюдение за уволенными рабочими [5, л. 29, 30, 37-37 об.].

Предположения рабочих имели под собой почву. Уже 24 февраля ротмистр Буря сообщал начальнику в Орел, что вследствие поступления угля около половины завода возобновило работы [5, л. 56]. Однако некоторое напряжение все же сохранялось. Дело в том, что с 20 февраля многие рабочие стали возвращаться из вынужденных отпусков, но им сразу же объявили о его продлении до 27 февраля. Такой поворот дела вызвал возмущение среди рабочих, которые приняли решение 20 февраля в Механической мастерской устроить собрание выборных от цехов. На этом собрании представители рабочих собирались не только для обсуждения тяжелого материального положения на заводе, но и для обращения к директору завода за объяснением причин остановки завода с указанием конкретных виновников [5, л. 58-58 об.]. Отмечая возбужденное состояние рабочих, информаторы надеялись, «что особых выступлений не произойдет». Эта надежда была связана с тем, что на заводе агитаторов «пока не наблюдается» [5, л. 59], т.е. некому было будоражить рабочих, которые самостоятельно, вероятно, пойти на активные действия были еще не готовы и обращались к дирекции не с требованием, а с «просьбой». Кто были эти агитаторы, источник не раскрывает, но очевиднее всего, что ими могли быть представители социал-демократической партии и эсеры, позиции, которых были довольно сильны на заводе.

Итак, события начала 1917 г. показали проявление недовольства населения российской провинции, которое было связано в основном с нехваткой продуктов питания в рабочих районах. Такое положение было характерно для многих

регионов страны, но особенно кризис продовольствия сказывался в промышленных центрах [26]. Но даже здесь это недовольство не доходило до острой фазы конфликта. Политически ангажированных выступлений не отмечалось. Не меняли положение даже отдельные случаи забастовок на заводах региона, которые носили спорадический и кратковременный характер. Рабочие чаще всего реагировали на неустройства обыденной жизни и на организационные недостатки администраций фабрик и заводов. Примером последнего может являться уход с работы 71 рабочего Дятьковской хрустальной фабрики 7 февраля вследствие того, что в одной из печей хрусталь еще не был готов, но другая печь продолжала работать. Уже на следующий день ушедшие рабочие приступили к работе [5, л. 41-42].

Еще более спокойной была обстановка в земледельческих уездах региона, которые были избавлены от проблем, характерных для рабочего населения. Например, в Карачевском уезде, по сообщениям информаторов, настроение населения было спокойным. Ухудшения отношения к властям не наблюдалось, как не было отмечено и деятельности оппозиционных и революционных партий [6, л. 19-21]. Вероятно, по соображениям составителей отчетов, важным фактором возбуждения недовольства являлись не объективные причины, а наличие оппозиционных политических сил. Более того, в сообщениях о настроениях населения наиболее промышленно развитого Брянского уезда за январь 1917 г. постоянно подчеркивалось, что рабочие и крестьяне настроены патриотически и негативно относятся к тем, кто увильивает от мобилизации. Все эти свидетельства вовсе не были признаком надвигающейся революции. Таким образом, можно констатировать, что забастовочное движение, да и вообще возмущение, не носило политического характера. Население демонстрировало положительное отношение к властям, хотя отдельные нотки недовольства верховной властью, связанные с дороговизной жизни, были уже слышны. В рапорте о настроениях по Брянскому уезду за январь 1917 г. отмечается, что «Возрастающая дороговизна, а главное остро ощущаемый недостаток продуктов первой необходимости, создает среди населения сильную тревогу, и на этой почве стал наблюдаться ропот в отношении высшей правительственной власти», но вместе с тем «отношение к местной власти нормальное» [7, л. 7, 9, 19 об., 26].

Тем более неожиданными оказались события, случившиеся в Петрограде. Такое восприятие событий в столице не было исключением [29]. Впрочем, неожиданностью было и то, с какой легкостью старые институты власти распались. Н. И. Бухарин отмечал, что быстрое падение самодержавия «удивило не только тех, кто падал, но и тех, кто вызвал это падение» [24, с. 11], т.е. никто не ожидал столь сокрушительного падения самодержавия.

В Брянске узнали о событиях в Петрограде вечером 28 февраля 1917 г. Уже в полночь состоялся первый митинг на заводе «Арсенал», а на следующее утро был созван второй митинг, где первым выступил меньшевик П.А. Товбин, объявивший о свержении Николая II. Прибывший на митинг, исполняющий обязанности начальника «Арсенала» генерал-майор А.Н. Лукашов, не веря в случившееся в столице, пытался, перекричав оратора, успокоить митингующих заявлением о том, что в условиях войны слова Товбина являются не только неправдой, но прямым призывом к бунту.

Но как показали последующие дни, события в Петрограде оказались явью. 4 марта из губернского Орла прибыл пассажирский поезд, который доставил газеты с официальным извещением о начале Февральской революции. С этим поездом приехала группа «товарищей», среди которых были солдаты, разоружившие жандармерию и полицию на станции. Разоружение происходило и на других станциях железной дороги - Сельцо, Жуковка, Дубровка [15, л. 6-7]. Кто эти «товарищи», мемуаристы не объясняют, но очевидно, что это были специальные группы сторонников революции, куда входили и вооруженные солдаты, матросы и рабочие.

В этот же день Лукашов обратился к рабочим, мастеровым и служащим завода с призывом о поддержке Временного правительства, «обличенного доверием страны» [4, л. 1]. Насколько Лукашов было искренним, трудно сказать. Вполне возможно, что он пытался не допустить беспорядков на заводе, продемонстрировав лояльность к новой власти. Однако потрясение было настолько велико, что через несколько дней после получения известий о событиях в Петрограде его разбил паралич и через три дня он был похоронен [11, л. 16].

Случившееся в Петрограде усилило революционные настроения среди рабочих, но, вероятно, сохранялась некоторая настороженность и определенное недоверие к приходившим из столицы сведениям. Боясь ответственности за антиправительственные выступления, рабочие брянского «Арсенала» решили заручиться поддержкой армейских частей, стоявших в городе. С этой целью было принято решение послать делегацию на Льговский поселок, где в казармах располагались солдаты 11-го, 83-го и 267-го пехотных полков, которые вместе с другими подразделениями появились в городе с красным знаменем. Комендантские патрули, за исключением некоторых офицеров, примкнули к солдатам и рабочим.

На следующий день 1 марта в Брянск вновь прибыли солдаты из казарм Льговского поселка, устроившие совместный с рабочими митинг на Базарной площади. Вероятно, здесь же было принято решение о разоружении полиции и местных учебных воинских команд. Все прошло благополучно, за исключением одной учебно-пулеметной роты, которая оказала сопротивление. Только примененные силы позволило ее обезоружить.

2 марта в разных местах города прошли митинги. Митинг в центре города на Базарной площади плавно перешел в демонстрацию [15, л. 186; 27, с. 199].

В последующие дни именно солдаты запасных полков стали основными участниками событий в Брянске. Насколько они были организованы, сказать трудно, но первое упоминание Совета военных депутатов в документах встречается только 5 марта, точная дата его возникновения неизвестна. Вероятно, первые действия солдатской массы носили стихийный, неупорядоченный характер: повсеместно в течение нескольких дней наиболее ненавистные командиры были арестованы и помещены под стражу. Это и особенно жестокая расправа 4 марта возбужденных солдат, растоптавших строем коменданта города [10, л. 9; 11, л. 17], вероятно, заставили организоваться наиболее сознательные силы. Уже 5 марта Совет военных депутатов обратился с воззванием к армии и гражданам, где сообщал, что события 4 марта печальны и позорят честь воина. «В СВОБОДНОЙ СТРАНЕ НЕТ МЕСТА НАСИЛИЮ», - говорилось в воззвании [4, л. 54].

Этот кровавый случай оказался единственным. Вероятно, постепенно военным из Совета удалось взять ситуацию под свой контроль. Были назначены новые командиры подразделений. Избран новый начальник гарнизона. В приказе по Брянскому гарнизону от 9 марта капитан Приймак (Примаков) сообщал, что «бывший начальник гарнизона генерал Савицкий, начальник штаба Дзерович, адъютант прапорщик Беренс и подполковник Ковальский находятся под арестом на гауптвахте (против арсенала), а остальные лица под домашним арестом, (с часовым)» [4, л. 6]. Думается, что эти действия новых военных властей вовсе не были актом революционного мщения или справедливости. Очевиднее всего, арестом они старались не допустить кровопролития, тем самым спасая от возможных инцидентов офицерский состав частей, расположенных в Брянске, и заявляли о решимости взять ситуацию под свой контроль, успокаивая свой решительностью население города.

Дирекция Брянского завода в рабочем поселке Бежица получила телеграмму от правления акционерного общества о событиях в Петрограде 1 марта, но ее содержание было скрыто от общественности. Хотя какие-то слухи просачивались, и 3 марта рабочие завода потребовали от администрации сообщить им о событиях

в столице. Местные власти были вынуждены огласить манифест об отречении царя. Дирекция сделала попытку овладеть обстановкой, предложив передать охрану поселка и завода членам пожарного общества. Директор завода Б.И. Буховцев провел совещание представителей цехов, на котором просил повлиять на рабочих и предотвратить их выход за пределы завода [12, л. 26]. Но в середине дня у Литейного цеха состоялся многотысячный митинг рабочих и служащих завода. В знак солидарности с петроградскими рабочими и солдатами было принято решение о проведении общезаводской забастовки. В руках рабочих появились красные флаги. С пением революционных песен тысячи людей вышли с территории завода и направились в Брянск [28, с. 258], где первыми на улицы вышли солдаты и рабочие Двинского артсклада, к которым присоединились рабочие «Арсенала».

Сведения о петроградских событиях постепенно проникали в самые отдаленные уголки российской провинции. Вероятно, первыми узнавали о случившемся в столице на железнодорожных станциях, где имелись средства связи. Многим не верилось в произошедшее в столице, а некоторые, прежде всего местные политические деятели, поспешили использовать ситуацию в собственных интересах. Так, в Трубчевске только 4 марта была получена телеграмма за подписью председателя Временного правительства кн. Львова об отречении императора Николая II и образовании Временного правительства, и первыми в городе на это отреагировали организованные слои городского общества, которые, узнав об отречении Николая II, поспешили собрать демонстрацию и митинг. На митинге перед зданием городской управы выступали: директор мужской гимназии, кадет Д. М. Давидов, помещик, член уездной Земской управы Г.М. Поршняков и др. [14, л. 4-5; 9, л. 27-27 об.]

В Трубчевске наиболее влиятельной и организованной политической силой оказались эсеры, среди которых были люди образованные, экономисты и юристы, агрономы и лесничие, купцы и зажиточная часть деревни, по терминологии мемуаристов «деревенские кулаки». Лидерами этой партии были: Григорий Понтрягин, только что окончивший Петербургский императорский лесной институт, Геронтий Беликов — агроном, черноморский матрос Иван Лопатин и др. [14, л. 16]

Аналогичная ситуация сложилась в Клинцах, где на сообщения из столицы первыми отреагировали эсеры и меньшевики. Наиболее расторопными оказались местные эсеры во главе с супругами Лучшевыми и А. А. Карпекиным, которые провели активную организационную работу среди местных рабочих. За ними последовал местный комитет РСДРП во главе с Кондорфом и др. Представители этих обеих партий повели работу не только по организации собственных сил, но и стали организаторами новых органов власти на местах. Ими была образована милиция под руководством сначала помещика Пальковского, а затем ее руководителем стал эсер Степанов, а помощником меньшевик А. М. Рубинштейн. Их совместные действия оказались непонятны большевикам, писавшим позднее об этой солидарности, как негативном явлении [21, л. 19].

Следует отметить, что в провинции оппозиционные политические силы были малочисленны. Среди них не было тех разногласий, которые раздирали центральные органы различных партий. Вероятно, обывателям сложно было отличить одну политическую организацию от другой, да и сами члены их были ближе друг к другу, чем партийные лидеры. Так, не случайно мемуаристы отмечают, что в Трубчевске «всеми буржуазно-политическими организациями и меньшевистско-эсеровской организацией руководил кадет Давидов», которого эсеры всегда выдвигали председателем. Несомненно, консолидация незначительных антиправительственных сил на местах отвечала потребностям времени, тогда как радикально настроенные пробольшевистские силы находились еще в стадии организации. Малочисленность пробольшевистских сил и их организационная слабость позволяли объединенным революционным силам провинции «безраздельно господствовать» вплоть до лета 1917 г.

На железнодорожную станцию Унеча петроградские события дошли, как вспоминал Ф. Васеко, только 5 или 6 марта (хотя смутные слухи достигли поселка уже 3 марта), когда утром со ст. Рассуха телеграфист «секретно» передал сведения о том, что поездом №3 едет отряд для снятия и разоружения жандармов и стражников. Прибывшие вооруженные люди с красными бантами арестовали жандармов, находившихся на перроне и на базарной площади, провели многотысячный митинг [18, л.2]. Весь март шли митинги, только в апреле был избран Революционный комитет, куда было введено большинство офицеров отряда, стоявшего на ст. Унеча. Тогда же стала организовываться милиция. Вплоть до октябрьских событий Унеча находилась во власти меньшевиков «и разных темных личностей», под которыми мемуарист, видимо, понимал противников большевиков [16, л. 206]. Состав и первые действия «Ревкома» говорят о том, что здесь, вероятнее всего, речь шла о Комитете общественной безопасности (далее - КОБ), который автор воспоминаний именуется Ревкомом.

Вероятно, этот же отряд произвел разоружение полиции в промышленном посаде Клинцы, расположенном далее по линии железной дороги. Здесь все происходило по тому же сценарию: разоружение полиции, демонстрация, митинг. Как писали очевидцы, в Клинцах было проведено «Грандиозное демонстративное шествие, которое заняло всю Большую улицу. Много знамен. Первый митинг свободы на Николаевской площади. Речи ораторов. Были слышны только слова надежды, героические обеты, клятвы верности делу революции. Толпа взывала к Республике. Монархизм это было прошлое, это был позор, это была смерть» [1].

В уездном Севске только 5 марта состоялась первая демонстрация, в которой приняли участие жители Ново-ямской слободы, Юрасова и Марицкого хуторов, сел Непоставки, Сенное, Доброводье и пр. Они обезоружили конвойную команду, направились в Управление Воинского начальника, а затем к тюрьме [19, л. 22-23].

Таким образом, можно заключить, что «революционные» события на периферии случились только в начале марта, и заметную роль в этом сыграли не местные политические силы, а вооруженные солдаты как местных гарнизонов, так и разъезжавшие по стране специальные отряды. Революционные события раньше других отразились в тех населенных пунктах, где имелось телеграфное сообщение и где были силы, способные на решительные действия. В сельской же местности эти процессы протекали с заметным опозданием. Так, в Суземской волости Трубчевского уезда только 13 марта по постановлению волостного схода были арестованы пристав, урядник, «как лишенные народного доверия». Начальником милиции выбран В. А. Квятковский, помощниками - С. А. Богусловский и А. Янковский и 34 милиционера [27, с. 17; 19, л. 16; 23, л. 12].

Сведения, поступающие из Петрограда, для многих оказались неожиданными, но по истечении некоторого времени росла уверенность в необратимости происходящего в столице. Первыми на события отреагировали в губернском Орле, где уже 1 марта 1917 г. вечером состоялось заседание Орловской городской думы, принявшей решение о создании при городском самоуправлении Комитета общественной безопасности. Он был сформирован как представительный орган от всех общественных, правительственных и союзных организаций [22, л. 23; 19, л. 7]. Первое его заседание состоялось 3 марта, на котором постановили освободить из тюрьмы политических арестантов, обезоружить полицию и жандармов. От имени Комитета была отправлена телеграмма в адрес Временного правительства с заверением о готовности подчинения [19, л. 8].

В эти дни именно КОБ стал центром всей общественной жизни в Орле. 3 марта после известия об отречении от престола Николая II сюда стекались различные политические и военные силы для заверения о поддержке новой власти. В этот же день Комитет отдал распоряжение о роспуске полиции и создании милиции. Во главе ее был поставлен член КОБа А. Н. Ильинский. Чины наружной

охраны заменены были солдатами 203-го запасного полка, а во главе отдельных полицейских частей поставлены комиссары по выбору начальника милиции, с оставлением при полицейских частях (на первое время) обезоруженных приставов для осуществления писмоводства. К банкам, казначейству, винному складу и присутственным местам начальником гарнизона были командированы отдельные караулы для охраны порядка [22, л. 23 об.]. Таким образом, следует заметить, что в центре губернии реальным органом власти, взявшимся наводить порядок, стал Комитет общественной безопасности. Именно он стало центром притяжения различных политических сил губернии.

Заметную роль в установлении новой власти в Брянске сыграл «Брянский комитет организации общественной безопасности», сформированный 4 марта 1917 г. и состоявший из представителей городской думы и управы, Всероссийского земского союза, купечества, союза учителей и т.д. Комиссарами комитета были назначены: по городу – член уездного окружного суда Дементьев, по уезду – председатель Земской управы Н. Шевцов. В составе комитета действовали продовольственная, санитарная и просветительная комиссии [27, с. 251]. КОБ сыграл важную роль в установлении порядка в городе, не дав разгуляться солдатской массе [25, л. 26 об.]. Позднее в воспоминаниях большевиков роль Комитета общественной безопасности в организации новой власти значительно принижалась [17, л. 64], но, как показывают архивные материалы, именно Комитет стал во главе процессов формирования в городе новых органов власти.

Коалиционный Комитет общественной безопасности был создан и в рабочем поселке Бежица. В него вошли меньшевики, эсеры и часть беспартийной буржуазной интеллигенции [15, л. 10]. Здесь уже 9 марта для оперативного управления был образован Исполком Бежицкого КОБа во главе с Ф.И. Кучеровым, сформировавший органы народной милиции [3, л. 22]. Понимая слабость нового органа, от имени Комитета заместитель председателя Н.А. Матвиевский просил директора Брянского завода «впредь до образования постоянных учреждений содействовать Комитету в его работе» [3, л. 1].

Уже 2 марта 1917 г. в г. Мглине состоялось заседание представителей общественных учреждений города, где предложено было избрать в Исполком по три человека от общественных организаций: земства, города, кооперативов, Общества взаимного кредита и включить в состав мирового судью при Временном Комитете общественной безопасности. Для переговоров с представителями старой власти – исправником и воинским начальником – были избраны Б.П. Шимановский, Н.Н. Ананьев и А.М. Мицкевич [20, л. 5]. 6 марта Исполком Комитета народной безопасности* передал все бразды по управлению городом П.Б. Шимановскому [20, л. 7].

С запозданием отреагировали на революционные события в Петрограде в г. Карачеве, где Земская управа только 15 марта разослала своим членам телеграммы о созыве на 21 марта Чрезвычайного уездного земского собрания «по вопросам, вызванным событиями последнего времени». Выступивший председатель собрания М.П. Гринев призвал собравшихся к сплочению «в дружной и согласной работе на пользу родине при новом государственном строе».

По докладу Земской управы было принято постановление о присоединении к Временному правительству и о вхождении представителей от Карачевского Земства во временные — уездный и городской Комитеты общественной безопасности [8, л. 11]. Точную дату образования КОБа в Карачеве указать весьма затруднительно. Вероятно, это случилось приблизительно в то же время, что и в других городах, т.е. в начале марта. По воспоминаниям участников февральских событий, в Карачеве сразу же после получения известий о свержении царского

* Устойчивого названия Комитета в Мглине не было: протокол №2 отмечает «Комитет общественной безопасности», а протокол №3 – «Комитет народной безопасности».

правительства местные «либеральствующие силы» создали ВРК**, руководящую роль в котором заняли кадеты, меньшевики и правые эсеры. Вошли в этот комитет и три представителя от рабочих без «достаточной политической окраски» [13, л.6]. С такой же сложностью мы сталкиваемся и датировкой образования КОБа в Трубчевске, который образовался не позднее 11 марта. Так, достоверно известно, что уже 11 марта на объединённом заседании (Городского и уездного) КОБов единогласно уездным комиссаром был избран член уездной Земской управы Г.М. Поршняков [23, л. 19].

В Севске первый съезд уездного Комитета общественной безопасности состоялся только 16 апреля [19, л. 27].

КОБы были образованы на железнодорожных станциях Змиевка, Нарышкино, Комаричи, Суземка [22, л. 27 об.].

Именно Комитеты общественной безопасности стали теми органами, которые стали конструировать новые органы власти на местах. Уже 9 марта 1917 г. Исполком КОБ сообщал, что он организовал в Бежице народную милицию, снабдив всех милиционеров удостоверениями. Взял в свои руки дело по снабжению населения продовольствием [2, л. 2, 6; 27, л. 22].

В Мглине временный Комитет общественной безопасности на своем заседании 5 марта принял решение образовать милицию, не принимая никаких мер против полиции до прибытия воинского начальника. Прибывший комендант города призвал разоружить полицию немедленно [20, л. 5]. Очевидно, что КОБ занял весьма осторожную позицию, вероятно, неуверенный в необратимости событий, происходящих в столице.

Именно КОБы на первых порах стали объединяющим началом для всех революционных сил, включив в свой состав самые разные политические силы и представителей различных слоев населения. Такой состав Комитетов придавал им легитимность и олицетворял собой новую власть в глазах населения. В самом начале революционных событий даже Советы вынуждены были считаться с этими представительными органами. Так, в Орле на первом заседании Совета было решено «возбудить» вопрос в Комитет общественной безопасности о создании милиции [19, л. 8]. Причиной такого положения, вероятно, являлось то, что сами Советы по своему составу первоначально были коалиционными органами, где отсутствовали или были в меньшинстве радикально настроенные большевики. В то же время, выступая часто как классовые органы, выражавшие интересы только трудящихся масс, они заметно отличались от КОБов, представлявших интересы всех слоев населения и являвшиеся более демократичными органами. Однако по мере формирования на местах органов власти Временного правительства деятельность Комитетов общественной безопасности входила в противоречие с целями новой власти. Уже летом 1917 г. стали очевидными разногласиями между ними.

Итак, февральские события на Брянщине имели догоняющий эффект. Большую роль в них сыграли внешние силы в лице вооруженных отрядов, занимавшихся разоружением представителей царской администрации, и солдат местных гарнизонов. Немногочисленные представители местных политических сил, представлявшие различные партии, объединялись в Комитеты общественной безопасности, стремясь сохранить порядок и взять власть в свои руки [24, с.34]. Еще более малочисленные радикально настроенные большевики существенной роли в этих событиях не играли. Даже возникавшие Советы вовсе не являлись пока еще оплотом большевизма на местах, а потому в первые недели существования после февральских событий ни о каком двоевластии на местах не приходится говорить. Советы на первых порах не выступали антиподом Комитетов общественной безопасности.

** Вероятно, мемуарист назвал Военно-революционным комитетом по более поздней привычке, судя по составу, именно Комитет общественной безопасности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воспоминания о Февральской революции в Клинцах // Известия Клинцовского Уисполкома и Укома РКП (б). — 1922. — №55. — 12 марта.
2. ГАБО (Государственный архив Брянской области). Ф.220. Оп.2. Д.393.
3. ГАБО. Ф.220. Оп.4. Д.124.
4. ГАБО. Ф.221. Оп.3. Д.330.
5. ГАБО. Ф.376. Оп.1. Д.322.
6. ГАБО. Ф.376. Оп.1. Д.323.
7. ГАБО. Ф.523. Оп.1. Д.916.
8. ГАБО. Ф.538. Оп.1. Д.1268.
9. ГАБО. Ф.81. Оп.1. Д.1304.
10. ГАБО. Ф.П-451. Оп.1. Д.29.
11. ГАБО. Ф.П-451. Оп.1. Д.39.
12. ГАБО. Ф.П-451. Оп.1. Д.435.
13. ГАБО. Ф.П-451. Оп.1. Д.79.
14. ГАБО. Ф.П-451. Оп.1. Д.89.
15. ГАБО. Ф.П-451. Оп.1. Д.91.
16. ГАБО. Ф.П-451. Оп.1. Д.93.
17. ГАБО. Ф.П-451. Оп.2. Д.52.
18. ГАБО. Ф.П-8283. Оп.1. Д.28.
19. ГАБО. Ф.П-8283. Оп.1. Д.29.
20. ГАБО. Ф.П-8283. Оп.1. Д.32.
21. ГАБО. Ф.П-8283. Оп.1. Д.4.
22. ГАОО (Государственный архив Орловской области). Ф.Р-81. Оп.1. Д.16.
23. ГАОО. Ф.Р-81. Оп.1. Д.50.
24. Герасименко Г.А. Народ и власть (1917 год) / Г.А. Герасименко. — М., 1995. — 288 с.
25. Кабытова Н.Н. Власть и общество российской провинции в революции 1917 года. Учебное пособие / Н.Н. Кабытова. — Самара: Самарский государственный университет, 2002. — 324 с.
26. Касимов А.С. Продовольственный кризис в земледельческих губерниях Центральной России накануне Февральской революции / А.С. Касимов // Известия Пензенского Государственного Педагогического Университета им. В.Г. Белинского. — 2007. — № 8. — С. 91-94.
27. Октябрь на Брянщине. Сборник документов и воспоминаний. — Брянск: «Брянский рабочий», 1957. — 270 с.
28. Пирогов В.К. Большевики Брянского машиностроительного завода в трех революциях): дис... канд. ист. наук / В.К. Пирогов. — М., 1969.
29. Сапон В.П. Февральская революция 1917 года в Нижнем Новгороде: новые аспекты / В.П.Сапон // Научный диалог. — 2012. — №9. — С. 64–74.
30. Тропов И.А. Революция и провинция. Местная власть в России (февраль—октябрь 1917 г.). Монография / И.А. Тропов. — СПб. : Европейский Дом, 2011. — 250 с.

REFERENCES

1. Memories of February revolution in Klinttsy. *Izvestiia Klintsovskogo Uispolkoma i Ukoma RKP (b) = Klintsy Uispolkom and Ukom's news of RCP(b)*, 1922,no.55, 12 March.
2. *GABO (Gosudarstvennyi arkhiv Brianskoi oblasti) = SABR (State Archive of the Bryansk Region)*, F. 220, Inv. 2, Act 393
3. *GABO (Gosudarstvennyi arkhiv Brianskoi oblasti) = SABR (State Archive of the Bryansk Region)*, F. 220, Inv. 4, Act 124
4. *GABO (Gosudarstvennyi arkhiv Brianskoi oblasti) = SABR (State Archive of the Bryansk Region)*, F. 221, Inv. 3, Act 330
5. *GABO (Gosudarstvennyi arkhiv Brianskoi oblasti) = SABR (State Archive of the Bryansk Region)*, F. 376, Inv. 1, Act 322

6. GABO (*Gosudarstvennyi arkhiv Brianskoi oblasti*) = SABR (*State Archive of the Bryansk Region*), F. 376, Inv. 1, Act 323
7. GABO (*Gosudarstvennyi arkhiv Brianskoi oblasti*) = SABR (*State Archive of the Bryansk Region*), F. 523, Inv. 1, Act 916
8. GABO (*Gosudarstvennyi arkhiv Brianskoi oblasti*) = SABR (*State Archive of the Bryansk Region*), F. 538, Inv. 1, Act 1268
9. GABO (*Gosudarstvennyi arkhiv Brianskoi oblasti*) = SABR (*State Archive of the Bryansk Region*), F. 81, Inv. 1, Act 1234
10. GABO (*Gosudarstvennyi arkhiv Brianskoi oblasti*) = SABR (*State Archive of the Bryansk Region*), F-P. 451, Inv. 1, Act 29
11. GABO (*Gosudarstvennyi arkhiv Brianskoi oblasti*) = SABR (*State Archive of the Bryansk Region*), F-P. 451, Inv. 1, Act 39
12. GABO (*Gosudarstvennyi arkhiv Brianskoi oblasti*) = SABR (*State Archive of the Bryansk Region*), F-P. 451, Inv. 1, Act 435
13. GABO (*Gosudarstvennyi arkhiv Brianskoi oblasti*) = SABR (*State Archive of the Bryansk Region*), F-P. 451, Inv. 1, Act 79
14. GABO (*Gosudarstvennyi arkhiv Brianskoi oblasti*) = SABR (*State Archive of the Bryansk Region*), F-P. 451, Inv. 1, Act 89
15. GABO (*Gosudarstvennyi arkhiv Brianskoi oblasti*) = SABR (*State Archive of the Bryansk Region*), F-P. 451, Inv. 1, Act 91
16. GABO (*Gosudarstvennyi arkhiv Brianskoi oblasti*) = SABR (*State Archive of the Bryansk Region*), F-P. 451, Inv. 1, Act 93
17. GABO (*Gosudarstvennyi arkhiv Brianskoi oblasti*) = SABR (*State Archive of the Bryansk Region*), F-P. 451, Inv. 2, Act 52
18. GABO (*Gosudarstvennyi arkhiv Brianskoi oblasti*) = SABR (*State Archive of the Bryansk Region*), F-P. 8283, Inv. 1, Act 28
19. GABO (*Gosudarstvennyi arkhiv Brianskoi oblasti*) = SABR (*State Archive of the Bryansk Region*), F-P. 8283, Inv. 1, Act 29
20. GABO (*Gosudarstvennyi arkhiv Brianskoi oblasti*) = SABR (*State Archive of the Bryansk Region*), F-P. 8283, Inv. 1, Act 32
21. GABO (*Gosudarstvennyi arkhiv Brianskoi oblasti*) = SABR (*State Archive of the Bryansk Region*), F-P. 8283, Inv. 1, Act 4
22. GAOO (*Gosudarstvennyi arkhiv Orlovskoi oblasti*) = SAOR (*State Archive of the Oryol Region*), F-R. 81, Inv. 1, Act. 16
23. GAOO (*Gosudarstvennyi arkhiv Orlovskoi oblasti*) = SAOR (*State Archive of the Oryol Region*), F-R. 81, Inv. 1, Act. 50
24. Gerasimenko G.A. *Narod i vlast' (1917 god)* [People and power (1917)]. Moscow, 1995, 288 p.
25. Kabytova N.N. *Vlast' i obshchestvo rossiiskoi provintsii v revoliutsii 1917 goda. Uchebnoe posobie* [The power and society of the Russian province in revolution of 1917. Education guidance]. Samara, Samarskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2002, 324 p.
26. Kasimov A.S. Food crisis in agricultural provinces of the Central Russia on the eve of February revolution. *Izvestiia Penzenskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta im. V.G. Belinskogo = News of the Penza State Pedagogical University of V. G. Belinsky*, 2007, no. 8, pp. 91-94 (in Russian).
27. *Oktiabr' na Brianshchine. Sbornik dokumentov i vospominanii.*[October in the Bryansk region. Collection of documents and memoirs] Briansk, «Brianskii rabochii» Publ., 1957, 270 p.
28. Pirogov V.K. *Bol'sheviki Brianskogo mashinostroitel'nogo zavoda v trekh revoliutsiiakh.* Diss. kand. ist. nauk [Bolsheviks of Bryansk Engineering Plant in three revolutions. Diss. cand. hist. sci.]. Moscow, 1969.
29. Sapon V. P. February Revolution of 1917 in Nizhny Novgorod: New Aspects. *Nauchnyi dialog = Scientific Dialogue*, 2012, no.9, pp. 64-74 (in Russian).
30. Tropov I.A. *Revoliutsiia i provintsii. Mestnaia vlast' v Rossii (fevral'—oktiabr' 1917 g.). Monografiia* [Revolution and province. Local government in Russia (February — October, 1917). Monograph]. Saint Petersburg, Evropeiskii Dom Publ., 2011, 250 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Брянцев Михаил Васильевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая 14, Российская Федерация, e-mail: bmwbox@mail.ru.

AUTHOR

Briantsev Mikhail Vasil'evich — Doctor of historical sciences, professor, Head of department of theory and history of state and law, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, 14 Bezhitskaya Street, Bryansk, 241036, the Russian Federation, e-mail: bmwbox@mail.ru.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Брянцев М.В. Февральская революция на Брянщине / М.В. Брянцев // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». — 2016. — Т. 4, № 2 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://esj.pnzgu.ru>.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Bryantsev M. V. February revolution in the Bryansk Region. *Electronic scientific journal «Science. Society. State»*, 2016, vol. 4, no. 2, available at: <http://esj.pnzgu.ru> (In Russian).